

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

НИЧЕГО ОТ СЕРДЦА НЕ ОТРИНУ...

* * *

Ночь прошла... Собачью перебранку
дождь сменил — не прыткий ни на грамм.
...Открывает лавку спозаранку
человек по имени Ваграм, —
говорят, всем сердцем он прирос к нам.
...Сколько надо, денег положу
на прилавок, дабы тем барбосам,
что не спят, купить по лавашу.

День — открыт... Ненастье — в заголовке,
что потом — отсюда не видать,
но пока у нас и в околотке
тишь и гладь, да Божья благодать.

Мой сосед с утра пустой, как бубен,
от похмелья — тяжело на душе...
Даже он жалеть Ваграма будет,
разорись тот в прах на лаваше!

Мы тут знаем: жизнь — не бакалея,
Ну, а сахар — даже не еда...

ПЕРМИНОВ Юрий Петрович родился в 1961 году в Омске. Автор двенадцати стихотворных сборников, двух книг эссе. Лауреат Большой литературной премии России и др. Секретарь Союза писателей России. Главный редактор альманаха "Тобольск и вся Сибирь".

...Никого на свете не жалея,
выжить можно,
но — не навсегда.

* * *

Про то, что нет пути другого,
наш долгожитель — дед Матвей —
поёт настойчиво и строго,
сверкает взгляд из-под бровей!

Играет с чувством он (сноровка
осталась), радуя народ.

В том, что в коммуне остановка,
что паровоз летит вперёд,
нам, поселковым, нет изъяна,
хотя и дожил слух доднесь,
что, кроме старого баяна,
у старика винтовка есть.

* * *

Почти что через дерево — кормушка
для зимних птиц... Простое, как рядно,
светлеет небо.

День за днём церквушка
растёт в посёлке Солнечном...

Давно

он это имя носит, небогато
живёт, и нет особенных красот...
И что с того? — Своё порой горбато,
но мило (никогда — наоборот).

Как никогда, предзимний ветер кóлок.
Снег, погрузив к началу ноября,
надолго вжился в Солнечный посёлок
(а есть и Светлый, к слову говоря).

Почти как всех, года посёлок старят,
но говорят же люди, что вот-вот —
на Параскеву — маковку поставят:
таджики — обязательный народ.

И мы живём на честные полушки,
в трудах, не зарекаясь от сумы...

Ну, и никто не скажет, что кормушки
для зимних птиц построили не мы.

* * *

Очевидно — вполне вероятно! —
на посёлок

окраинный

наш —

с утра — как школяр, аккуратно —
наточу свой простой карандаш.

Основательно снежные сети
на деревья наброшены,
крут
колотун преждевременный; дети
могут дома сидеть, но идут
в нашу старую школу...

Будильник
сердца вызвонил грустный вопрос
(неожиданный, как подзатыльник
от жены): навсегда ли мороз?

Выйду жителям нашим навстречу,
через дерево — снега скирда...

Про мороз ничего не отвечу,
про посёлок скажу: навсегда.

* * *

Ничего от сердца не отрину,
никого уже не разлюблю...
Догола, до ягодки рябину
птицы доклевали к февралю.

Погрущу тихонько под гармошку...
Ночь темна, как будто собрала
звёзды Мать Божия в ладошку,
точно крошки хлеба со стола...

* * *

Встревожилась к нóчи душа, как голодная рыбка
в аквариуме, но осталась пока что при мне,
бродящем по комнате в тапках с китайского рынка;
и непредсказуемо, точно ружьё на стене,
мой город молчит: ни случайного вопля, ни песни,
ни смеха, ни плача...

Молчащему — трудно помочь:
ведь что-то случилось — печальное — с городом, если
никто из людей не запел в новогоднюю ночь.

Ни скрипа, ни вздоха... И дни — переходят на шёпот.
Сосчитаны крошки во всякой чужой бороде...

И кажется мне: обязательно выстрелит что-то
на днях или после. Не важно — откуда и где.

ДОРОЖНАЯ ИСТОРИЯ

Время шло — страница за страницей,
экономно тлел ночами свет...

Прочитал, доехав до столицы,
“Бесов” Достоевского сосед

по купе. “На то они и черти...” —
заглянул в нетленный вещмешок,
первача — навскидку если — четверть
фляги проглотил на посошок.

На Казанский прибыл поезд скорый:
путь в Москву — не долог, но не мал...

Мой попутчик — там, где выход в город, —
долго и растерянно стоял...